

ной лавке Ф. М. Беллизара роман Э. Булвера-Литтона «Последние дни Помпеи», изданный во французском переводе в 1834 году (см. письмо Ф. М. Беллизара от 24 марта 1836 г. — XVI, 96). Книга сохранилась в библиотеке Пушкина. Оба тома разрезаны.¹⁸ Пушкин прочел сочинение английского романиста, вдохновленного грандиозным творением русского живописца о трагической гибели древнего города и подхватившего у Брюллова «мотив низвержения кумира» и смены культурно-исторических эпох, на что обратил внимание А. А. Долинин.¹⁹

Знал ли Брюллов о «помпейском» замысле Пушкина? Мы не располагаем свидетельствами об этом. Известно, что поэт подарил Карлу Брюллову автограф стихотворения «Альфонс садится на коня...» (впрочем, тоже незавершенного) — о бесстрашном рыцаре, пустившемся ночью в опасный путь.²⁰ Как знать, возможно, Брюллов мог бы стать и обладателем автографа пушкинского «Везувия...», если бы поэт не отказался от реализации своего поэтического замысла.

Т. И. Краснобородько

¹⁸ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 179. № 685.

¹⁹ См. статью А. А. Долинина (наст. изд., с. 180).

²⁰ См.: Гаврилова Е. И. Пушкин и Карл Брюллов // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 51—54.

ВОКРУГ ПИСЕМ ПУШКИНА К ЖЕНЕ. ОСЕНЬ 1833 ГОДА

«Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твое сердечко?» (XV, 77). Эта фраза из пушкинского письма к Наталье Николаевне от 2 сентября 1833 года удивительным образом созвучна тем вопросам, которые он часто поднимал в переписке с ней. Но всегда ли был откровенен? Одни темы Пушкин свободно мог обсудить с женой, других — старался избегать. Так, сознавая, что упоминание женщин, с которыми его сталкивала судьба, могло быть неприятно супруге, поэт с предельной осторожностью писал об этом. Волновало Пушкина и возможное опрометчивое поведение жены в свете, способное породить кривотолки. Завершив путешествие по местам восстания Емельяна Пугачева, он писал Наталье Николаевне из Болдина в Петербург 6 ноября 1833 года:

Друг мой женка, на прошедшей почте я не очень помню, что я тебе писал. Помнится я был немножко сердит — и кажется письмо немного жестко. Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: *уважения*. Радоваться своими победами тебе нечего. Курва, у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша в этой прическе; я об этом думал сегодня ночью), Ninon говорила: *Il est écrit sur le cœur de tout homme: à la plus facile* <На сердце каждого мужчины написано: *самой податливой — франц.*>. После этого, изволь гордиться похищением мужских сердец. Подумай об этом хорошенько, и не беспокой меня напрасно. Я скоро выезжаю, но несколько времени останусь в Москве по делам. Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по 3 месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу — для чего? — Для тебя, женка; чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотой. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности etc. etc. — не говоря об *sosiage* <*положении рогоносца — франц.*>, о коем прочел я на днях целую диссертацию в Брантоме (XV, 93).

В начале этого письма поэт упомянул свое предыдущее — от 30 октября, в котором упрекал жену: «Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало» (XV, 88) — и пересказал ей басню А. Е. Измайлова «Заветное пиво», которая заканчивалась обращением к кокеткам:

Красавицы-кокетки!
 Ведь это вам наветки!
 Зачем собою нас прельщать?
 Зачем любовь в нас возбуждать,
 Когда не можете руки своей нам дать?
 Вам весело, как мы любовию к вам жаждем;
 Смеетесь вы — мы страждем.
 Не корчите Фому —
 Не то попасть вам на Кузьму.¹

В письмах к жене Пушкин неоднократно упоминал парижскую куртизанку и хозяйку литературного салона Нинон де Ланкло (Ni-

¹ Невский альманах на 1829 год. СПб., 1828. С. 320.

non de Lenclos; 1620—1705). Откуда поэт позаимствовал ее слова, приведенные в письме от 6 ноября? Л. Б. Модзалевский считал, что «этот афоризм Пушкин мог почерпнуть или из Вольтера, или из подложных мемуаров Ninon de Lenclos».² Я. Л. Левкович в комментариях к изданию писем поэта к жене писала: «По-видимому, это цитата из приписываемого Нинон де Ланкло сочинения “La coquette vengée” (“Отмщенная кокетка”) (1649)».³ Однако оба эти предположения неверны. Мы можем точно указать источник процитированного Пушкиным высказывания. Им являются письма Нинон де Ланкло к маркизу Шарлю де Севинье (Charles de Sévigné; 1768—1713), сыну Мари де Севинье (Marie de Rabutin-Chantal, marquise de Sévigné; 1626—1696), впервые увидевшие свет в 1750 году и затем неоднократно переиздававшиеся. В пушкинском собрании книг их нет, но одно из изданий писем имелось в библиотеке Тригорского, где поэт мог его читать, приходя в гости к своим соседкам по имени.⁴ Авторство писем приписывалось юристу Королевского совета Луи Дамуру (Louis Damours; 1720—1788) или Клоду-Просперу Жюлио де Кребийону-младшему (Claude Prosper Jolyot de Crébillon; 1707—1777), автору фривольных новелл и романов, сыну драматурга Проспера Жюлио де Кребийона-старшего. В письмах опытная куртизанка дает советы молодому маркизу, как вести себя, чтобы добиться взаимности у противоположного пола, и объясняет поступки женщин в борьбе за мужское расположение. Де Севинье пытается завоевать сердце графини, у которой появляется соперница. В письме LXX содержится запомнившаяся Пушкину фраза, которую он привел в назидание Наталье Николаевне:

Je connais trop bien les femmes. Ne doutez pas un instant qu'elle n'emploie tous les raffinemens de la coquetterie pour vous enlever à la comtesse: elle peut avoir du goût pour vous; mais modérez là-dessus votre amour-propre: le plus puissant motif qui la conduise est, sans contredit, le désir de se venger; sa vanité est intéressée à punir sa rivale d'avoir obtenu la préférence. Jamais les femmes ne se pardonnent ces tours-là: si celui qui fait le sujet de la querelle n'est pas le premier objet de leur courroux, c'est qu'elles ont besoin de lui pour exercer leur ressen-

² Пушкин А. С. Письма: В 3 т. / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 655.

³ Пушкин А. С. Письма к жене / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. Л., 1986. С. 154 («Лит. памятники»).

⁴ См.: [Модзалевский Б. Л.] Каталог библиотеки села Тригорского // Пушкин и его современники. СПб., 1903. Вып. 1. С. 21.

*Портрет Нинон де Ланкло, приведенный в издании:
Lettres de Ninon de Lenclos au Marquis de Sévigné. Paris, 1813*

timent. Vous avez, au reste, rencontré dans la rivale de la comtesse, précisément ce que vous exigiez de celle-ci pour lui être attaché. On vous offre d'avance le prix des soins que vous rendrez, et dont peut-être on vous dispensera; je tremble que vous ne soyez assez peu délicat pour accepter ces offres. Il est donc écrit sur le cœur de tous les hommes: à la plus facile.⁵

На фронтисписе издания писем Нинон был помещен ее портрет. Волосы французской куртизанки завиты на лбу в челку, на затылке собраны в плоский шиньон, а по бокам, вдоль щек, спускаются локонами. Годом ранее, во время пребывания в Москве, Пушкин уже имел возможность любоваться такими прическами, о чем писал жене около (не позднее) 3 октября 1832 года: «Красавец Безобразов⁶ кружит здешние головки, причесанные à la Ninon, домашними парикмахерами» (XV, 34). Такая же прическа появилась и у Натальи Николаевны, известившей об этом мужа, который отвечал ей в письме от 30 октября 1833 года: «Мочи нет, хочется мне увидеть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо как мила. Как ты прежде об этой старой курве не подумала [?] и не переняла у ней ее прическу?» (XV, 89).

Упомянутый поэтом французский мемуарист Пьер де Бурдейль, сеньор де Брантом (Pierre de Bourdeilles, seigneur de Brantôme; ок. 1540—1614) оставил после себя ряд жизнеописаний знаменитых полководцев и известных дам. Имея в своем книжном

⁵ Lettres de Ninon de Lenclos au Marquis de Sévigné. Paris, 1813. Т. 2. Р. 120—121. Перевод: «Я слишком хорошо знаю женщин. Не сомневайтесь ни на мгновение, она использует все изощренности кокетства, чтобы отбить вас у графини: возможно, вы ей нравитесь; но умерьте свое самолюбие на этот счет: самый сильный мотив, который ею движет, — есть, без сомнения, желание отомстить; ее тщеславие заинтересовано в наказании соперницы за то, что та получила предпочтении. Женщины никогда себе не прощают таких выходов: если тот, кто послужил предметом ссоры, не является основным объектом их гнева, то это потому, что он необходим им для вымещения своей обиды. Вы нашли, впрочем, в сопернице графини именно то, что вы требовали от последней, чтобы привязаться к ней. Вам заранее предлагают цену расставания, которую вы заплатите и от которой, возможно, вы будете избавлены; я содрогаюсь от того, что вы недостаточно деликатны, чтобы принять эти предложения. Потому на сердце всех мужчин начертано: *самой доступной*» (франц.).

⁶ Сергей Дмитриевич Безобразов (1801—1879) — флигель-адъютант, красавец, женившийся 10 ноября 1833 года на княжне Любви Александровне Хилковой (1811—1859). Вскоре по Петербургу пошли слухи о семейных ссорах Безобразовых, вызванных подозрениями мужа в связи жены с императором, о чем Пушкин упомянул 1 января 1834 года в дневнике (XII, 318). Еще раньше, в письме от 11 октября 1833 года, поэт предупреждал жену: «...не кокетничай с ц<а-рем>, ни с женихом княжны Любы» (XV, 87).

V I E S
D E S
DAMES GALANTES.

PREMIERE PARTIE.

DISCOURS PREMIER,

Sur les Dames qui font l'amour (); et principalement sur les Cocus, et de leurs diverses especes.*

D'AUTANT que ce sont les dames qui ont fait la fondation du cocuage, et que ce sont elles qui font les hommes cocus, j'ay voulu mettre ce discours parmi ce livre des dames, encore que je parlerai autant des hommes que des femmes: mais pourtant le principal sujet touche les femmes. Je sçai bien que j'entreprends une grande œuvre, et que je n'aurois jamais fait, si j'en voulois monstret la fin; car tout le papier de la chambre des comptes de Paris, n'en sauroit comprendre par escrit la moitié de leurs histoires, tant des femmes que des hommes: mais pourtant j'en escriay tout ce que je pourray; et quand je n'en pourray plus, je quitterai ma plume

(*) Dans cet ouvrage l'Auteur qualifie telle dame de *belle et honnête*, dont pourtant il parle comme d'une *fièvre* P... Mais lorsqu'il ajoute, comme il fait quelquefois, *vertueuse à belle et honnête*, il insinue par-là que la dame étoit *sage*, et ne faisoit point parler d'elle.

Tome III.

A

*Первая страница трактата
«О дамах, которые занимаются любовью» из третьего тома
Собрания сочинений Брантома*

собрании восьмитомное издание Брантома,⁷ Пушкин прочел его сочинение «Жизнь галантных дам» («Vies des dames galantes»), которое открывалось трактатом «О дамах, которые занимаются любовью; и в основном о рогносцах и различных их видах» («Sur les

⁷ Œuvres du Seigneur de Brantôme. Nouv. éd., plus corr. que les précédentes. Paris, 1787 (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 175—176. № 672).

Dames, qui font l'amour; et principalement cur les Cocus, et de leurs diverses espèces»). Третий том издания в библиотеке поэта не сохранился, именно в нем и был напечатан упомянутый в пушкинском письме трактат.⁸ Книга могла быть изъята из собрания поэта после его смерти вдовой с целью уберечь детей от чтения подобных произведений. Отсутствие в пушкинской библиотеке издания писем Нинон к маркизу де Севинье, если оно имелось у поэта, может объясняться этой же причиной. Данное обстоятельство тем более вероятно, что и сам Пушкин опасался, как бы Наталье Николаевне, уехавшей с детьми в калужское имение Полотняный Завод, принадлежавшее ее покойному деду Афанасию Николаевичу, не попала на глаза фривольная литература из библиотеки последнего. Поэтому в письме от 20 и 22 апреля 1834 года поэт предостерегал ее: «...в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения, женка» (XV, 130).

На ревности Натальи Николаевны следует остановиться особо. Н. О. Лернер посвятил этому вопросу одноименную статью,⁹ где объяснял пренебрежительный отзыв Пушкина о его новой знакомой, казанской поэтессе Александре Андреевне Фукс (1805—1853), в письме к жене от 12 сентября 1833 года попыткой избежать возможного упрека в очередном увлечении. Оттого он в столь неприглядном свете представил Фукс жене, которая, конечно, не стала бы ревновать его к «blue stockings <синему чулку — англ.>, сорокалетней, несносной бабе с вошными зубами и с ногтями в грязи» (XV, 80).¹⁰

⁸ Œuvres du Seigneur de Brantôme. Т. 3. Р. 1—198.

⁹ Лернер Н. О. Ревность Н. Н. Пушкиной // Русская старина. 1905. № 11. С. 421—425.

¹⁰ Впоследствии Фукс будет писать Пушкину в Петербург, посылая свои стихи, в том числе обращенное к нему послание «На проезд Александра Сергеевича Пушкина чрез Казань» и сборник «Стихотворения Александры Фукс» (Казань, 1834), в состав которого это послание было включено (с. 175—179). Книга с дарственной надписью Пушкину сохранилась в его собрании (см.: Молдашевский Б. Л. Библиотека Пушкина. С. 111—112. № 411). Предполагается, что Фукс отослала поэту сборник при несохранившемся письме вскоре после его выхода, в мае—июне 1834 года (см.: Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т. 1826—1837 / Сост. Г. И. Долдобанов; Науч. ред. А. А. Макаров, И. С. Сидоров. М., 2009. Т. 2. Кн. 2. С. 277). В таком случае Пушкин наверняка успел бы получить книгу задолго до своего отъезда к семье в Полотняный Завод 16—17 августа (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 4 / Сост. Н. А. Тархова. С. 225), а потому вряд ли тянул с ответом, ибо только 19 октября, уже после возвращения в Петербург, написал Фукс (XV, 197). Заметим, что князь П. И. Шаликов опубликовал рецензию на сборник в издаваемых им «Московских ведомостях» 9 июня 1834 года (№ 46). Свое

В не дошедшем до нас письме к пушкинской соседке по имени — Анне Николаевне Вульф — Наталья Николаевна выразила свою озабоченность по поводу когда-то испытанного мужем чувства к младшей сестре адресатки — Евпраксии Николаевне. В ответном письме от 28 июня 1833 года Вульф пыталась успокоить ее:

Как можете вы питать ревность к моей сестре, дорогая моя? Если ваш муж даже был влюблен в нее некоторое время, как вам непременно хочется верить, то разве настоящим не поглощается прошлое, которое лишь тень, вызванная воображением и часто оставляющая не больше следов, чем сновидение? Но ведь на вашей стороне обладание действительностью, и все будущее принадлежит вам.¹¹

первое письмо от 20 января 1834 года Фукс отправила Пушкину одновременно в Болдино, откуда оно и попало к нему в Петербург, и барону К.-А. Люцероде для доставки Пушкину, еще одно — с оказией через Э. П. Перцова, однако они так и не передали письма. Отвечая Фукс на ее первое письмо, поэт указал свой петербургский адрес, поэтому «Стихотворения Александры Фукс» при сопроводительном письме отправлялись ему напрямую, в дом А. К. Оливье, где Пушкин квартировал до 14 августа 1834 года (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4. С. 224) и где, по всей видимости, он их получил незадолго до этой даты. Однако из-за хлопот, связанных с переездом в бывшую квартиру Вяземских в доме С. А. Баташева, а также из-за подготовки издания «Истории Пугачева» и других забот Пушкин не успел написать казанской поэтессе до своего убытия из Петербурга, а отвечая, лукавил, что отсутствовал в Петербурге три месяца, вместо двух. Едва ли письмо с книгой пришло после отъезда поэта: Оливье наверняка не стал бы утруждать себя пересылкой Пушкину корреспонденции на его новую квартиру — отношения между ними были натянутыми (см. письмо поэта к Наталье Николаевне около 28 июня 1834 года — XV, 168). Представляется возможным уточнить датировку несохранившегося письма Фукс к Пушкину на основании рассылки ею своей книги другим петербургским литераторам. Так, вместе с письмом профессора Казанского университета Г. Н. Городчанинова к графу Д. И. Хвостову «Стихотворения Александры Фукс» были отправлены в Северную столицу известному метроману в августе 1834 года (РО ИРЛИ, ф. 322, № 80, л. 186). Вряд ли сборник, в котором были напечатаны обращенные к Пушкину стихи, отсылался позднее. Письмо из Казани в Петербург дошло бы за 10 дней. Например, на пушкинском письме к жене от 8 сентября 1833 года, отправленном из Казани в Петербург, в дом Оливье, стоят почтовые штампы: день отправки — «Казань 1833 сен. 11» и день доставки — «Получено 1833 сен. 21 вечер» (см.: Пушкин А. С. Письма к жене. С. 141). Исходя из этих обстоятельств, несохранившееся письмо Фукс к Пушкину, на которое он ответил 19 октября, можно предположительно датировать началом августа 1834 года.

¹¹ *Лернер Н. О. Пушкинологические этюды. XVI. Из истории сердечной жизни Пушкина: (Неизданное письмо А. Н. Вульф к Н. Н. Пушкиной) // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. М.; Л., 1935. Т. 5. С. 163 (с ошибочной датой: 1834 год).*

Между тем основания для ревности у Натальи Николаевны действительно имелись. «...Вчера был вечер у Фикельмона вместо пятницы, потому что в субботу большой парад на заключение в Красном Селе. Вчера было довольно вяло. Один Пушкин *ralpitoit de l'interêt du moment* <трепетал от вспыхнувшего интереса — франц.>, краснея взглядывал на Крюднершу (красавицу баронессу Амалию фон Крюднер (1808—1888). — А. К.) и несколько увиваясь вокруг нее»,¹² — писал П. А. Вяземский жене Вере Федоровне 25 июля 1833 года. Последствия «вспыхнувшего интереса» зафиксированы в воспоминаниях современников. Братья А. О. и К. О. Россет свидетельствовали:

Пушкин был на балу с женой-красавицею и, в ее присутствии, вздумал за кем-то ухаживать. Это заметили, заметила и жена. Она уехала с бала домой одна. Пушкин хватился жены и тотчас поспешил домой. Застает ее в раздеванье. Она стоит перед зеркалом и снимает с себя уборы. «Что с тобою? Отчего ты уехала?» Вместо ответа Наталья Николаевна дала мужу пощечину. Тот как стоял, так и покотился со смеху. Он забавлялся и радовался тому, что жена его ревнует, и сам с своим прекрасным хохотом передавал эту сцену приятелям.¹³

А в «Записках А. О. Смирновой», приписываемых ее дочери Ольге Николаевне, этот эпизод представлен следующим образом: «...однажды, возвратясь с бала, на котором она вообразила, что муж ее ухаживает за m-те Крюднер (что было совершенно несправедливо), m-те Пушкина дала ему пощечину, о чем он, смеясь, рассказывал Вяземскому, говоря, “что у его мадоны рука тяжеленька”».¹⁴

Зная, что муж равнодушен к юной Надежде Львовне Сологуб (1815—1903), Наталья Николаевна пыталась переманивать у нее кавалеров, о чем Пушкин пенял ей в письме от 21 октября 1833 года: «Охота тебе, женка, соперничать с гр<афиней> Сал<логуб>. Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебе перебивать у ней поклонников?» (XV, 87). Как отмечала С. Н. Карамзина в письме к И. И. Дмитриеву от 20 января 1834 года, Наталья Николаевна «несмотря на блестящие успехи в свете, часто и преис-

¹² Пушкин в письмах П. А. Вяземского к жене (1830—1838) // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 807.

¹³ Россет А. О., Россет К. О. Из рассказов про Пушкина, записанных П. И. Бартевым // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 348.

¹⁴ Смирнова А. О. Записки: (Из записных книжек 1826—1845 гг.): В 2 ч. СПб., 1895. Ч. 1. С. 340 (примеч. О. Н. Смирновой).

кренно страдает мучением ревности, потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа». ¹⁵

Однако все это сторонние свидетельства. Среди них до сих пор отсутствовало главное — собственный голос Натальи Николаевны. Что переживала она, испытывая ревность? Насколько сильно в ней было это чувство? Почему Пушкин постоянно пытался предупредить ревность жены? У нас есть возможность ответить на эти вопросы. В сентябре 1849 года в письме ко второму мужу, П. П. Ланскому, перечисляя новости, Наталья Николаевна высказалась о романе одной светской знакомой, влюбленной в женатого мужчину, так:

Comment ne sent elle pas le ridicule de son rôle <Как она не чувствует нелепости своей роли — франц.>. Она мне, бедная, жалка. Или уже она так в него влюблена, что ни на что не смотрит, но в этом случае, я была бы ревнива и мужу бы непременно надоела, потому что не вытерпела любви к другой. Шастлив он, что не мой муж. Или ему бы глаза выцарапала, или сама бы нашалила, чтоб его наказать. ¹⁶

Это неизвестное ранее признание Натальи Николаевны объясняет одну из причин ее кокетства, в котором, помимо естественного стремления красивой женщины нравиться и иметь успех в свете, не последнюю роль играло и желание подобным образом ответить мужу на его увлечения. Однако не стоит забывать, что Наталья Николаевна никогда не смогла бы нарушить границ дозволенного, исполняя «долг честной и доброй жены» (письмо Пушкина к жене около (не позднее) 29 мая 1834 года — XV, 153) поэта, ни на секунду не сомневавшегося в ее безупречном поведении: «Я не ревнив, да и знаю, что ты во всё тяжкое не пустишься» (письмо от 30 октября 1833 года — XV, 89). В то же время приведенные слова характеризуют Наталью Николаевну как натуру, не всегда способную совладать с проявлением своих чувств. Не случайно она переходит на русский язык, так как сдержанными французскими фразами ей трудно передать свое эмоциональное состояние. В оценке личности жены поэта исследователи порой чересчур прямолинейны: акцент делается либо на крайне негативных оттенках, либо на идеализирующих ее

¹⁵ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 439.

¹⁶ РО ИРЛИ, № 25565, л. 229 об.—230. Выделенное курсивом и разрядкой окончание фразы написано по-русски.

положительных качествах. Любые элементы, которые не вписываются в контекст выбранного трафарета и уводят в сторону, отменяются. Из таких заключений вырисовывался портрет женщины или равнодушной к мужу, или во всем ему покорной и кроткой, утратившей право на собственное мнение. Приведенные строки из письма Натальи Николаевны вносят коррективы в наше представление о ней, выделяя те черты характера, которые придают целостность ее образу, добавляя яркие штрихи к портрету пушкинской избранницы. Пустив в ход женскую месть, она едва ли ставила целью довести свои намерения до крайности, ибо далее в ее письме следует фраза, основанная на мысли Екклесиаста (Еккл 1: 2): «Vanité des vanité, tout n'est que vanité, sauf aimez Dieu. Et j'ajouterai, aimez son mari, lorsqu'il vs aime, comme le fait le mien. Je suis contente de toi, tu es content de moi, qu'irons ne chercher ailleurs <Суета сует, все только суета, кроме любви к Богу. И добавлю, любви к своему мужу, когда он вас так любит, как это делает мой. Я тобою довольна, ты доволен мною, что нам искать на стороне — франц.>, от добра добра не ищут».¹⁷

Тема кокетства, о котором Пушкин так часто упоминал в письмах к жене, нашла отражение и в стихах:

Зачем я ею [очарован]?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнью моей.

Она [глядит на] вас так нежно,
Она лепечет так небрежно,
Она так тонко весела,¹⁸
Ее глаза так полны чувством,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Мне свою ножку подала.

(III, 443)

¹⁷ Окончание фразы, выделенное курсивом и разрядкой, написано по-русски (РО ИРЛИ, № 25565, л. 230 об.). Перевод этого фрагмента письма, не совсем верный, дан в книге: Ободовская И. М., Дементьев М. А. После смерти Пушкина: Неизвестные письма. М., 1980. С. 133.

¹⁸ Среди вариантов этих строк были: «Она небрежная кокетка / Она невинно весела» и «Она кокетствует небрежно / Она глядит на вас так нежно» (III, 1048).

Поездка по местам пугачевского восстания подарила Пушкину встречу с провинциальной кокеткой. Представляется возможным установить ее имя.

В доме симбирского гражданского губернатора Александра Михайловича Загряжского (1797—1883), дальнего родственника Натальи Николаевны, поэт увидел двадцатидвухлетнюю девицу Варвару Ивановну Кравкову, которая после отказа ее родителей возлюбленному жениху решила на побег из отчего дома в Симбирск, в Спасский женский монастырь, при содействии отчима В. Ф. Одоевского — саранского полицмейстера П. Д. Сеченова. По поводу случившегося учинили разбирательство, в ходе которого последний оказался в крайне щекотливом положении. Незнание реальных обстоятельств произошедшего сильно тревожило Одоевского, поскольку этот инцидент затрагивал и его собственную репутацию. Зная, что в Симбирск заедет путешествующий Пушкин, Одоевский через него хотел справиться о Кравковой.¹⁹ Бывая в доме Загряжского, поэт обедал у него²⁰ и выполнил просьбу Одоевского, о чем с иронией сообщал последнему 30 октября 1833 года:

Теперь донесу Вашему сиятельству, что, будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с Вами говорили перед моим отъездом. Не дурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша. Вот всё, что мог я заметить. Дело ее, кажется, кончено (XV, 90).

Любвеобильный Загряжский²¹ наверняка не остался равнодушным к Кравковой, которая, думается, давала к тому повод, что не

¹⁹ См. об этом: *Турьян М. А.* 1) Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 183—191; 2) «Странная моя судьба...»: О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991. С. 244—258.

²⁰ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4. С. 87—90.

²¹ О любовных похождениях Загряжского сохранилось свидетельство Э. И. Стогова, деда А. А. Ахматовой, состоявшего в Симбирске жандармским штаб-офицером (см.: *Русская старина*. 1878. № 12. С. 647—654), основываясь на котором симбирский историк-краевед П. Л. Мартынов писал: «Загряжский был очень недурен собою, строен, всегда щеголь, воспитания светского, хороший актер и неисправимый ловелас. Избалованный дешевыми победами, он задумал устроить интригу с дочерью одного из наиболее уважаемых лиц Симбирского общества, и даже, как говорят, ходил к ней на свидание, нарядившись старухой, причем так хорошо загримировался, что сам отец, встретив случайно эту старуху, не узнал, кто она, и указал ей, как пройти к дочери. Сам же виновник начал хвастаться своею мнимую интригою, дворянство узнало и дружно ополчилось против него; стали грозить ему общим скандалом и даже кулачною расправою. Положение Загряжского, не только как губернатора, но и как человека, оказалось невозмож-

А. М. Загряжский с семьей. Портрет работы неизвестного художника. Середина 1820-х годов (Музей ИРЛИ)

ускользнуло от внимания Пушкина, который лишний раз мог задуматься о поведении жены и с беспокойством писать ей об этом.

Как отмечала Т. Г. Цявловская,²² по своему содержанию, строению, словарю и интонации приведенные стихотворные фрагменты, датируемые осенью 1833 года, близки к стихотворению,

ным, и он должен был, далеко не почетно, удалиться из Симбирска» (Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования: Систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске. Симбирск, 1898. С. 316—317).

²² Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 628—629.

в несохранившейся беловой рукописи которого стояла помета «1833, дорога, сентябрь» (III, 914):

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал. . .

(III, 316)

Стихотворение создавалось во второй половине октября — начале ноября 1833 года.²³ Выдвигалась гипотеза, что к созданию этих стихов Пушкина подтолкнуло увлечение старшей дочерью Загряжского — Елизаветой Александровной (1821—1895), будущей супругой брата поэта — Льва Сергеевича.²⁴ Думается, Пушкин все же писал не о двенадцатилетней девочке, а о более взрослой женщине.

Если принять предположение, что отрывки должны были предварять стихотворение «Когда б не смутное влеченье...» и все вместе составлять одно произведение,²⁵ то, как представляется, образ героини в нем стал бы собирательным. Если в первом фрагменте — «Зачем я ею [очарован]?...» — поэт любит красавицей-кокеткой, а во втором — «Она [глядит на] вас так нежно...», написанном прежде первого, показано, как эта кокетка пытается заигрывать, чтобы вызвать к себе интерес, то в стихах «Когда б не смутное влеченье...» — уже не просто очарование, а прямое проявление чувства, которое едва ли способна пробудить кокетка. Мы видим увлечение провинциалкой, ведущей наивный, но живой и непринужденный разговор, и, кажется, не горящей желанием понравиться собеседнику. Это наводит на мысль, что написанию последнего стихотворения способствовали иные обстоятельства, не относящиеся к «скромной отшельнице» Кравковой. Заметим, что и эпитет в «неведомой ти-

²³ См.: Муравьева О. С. «Когда б не смутное влеченье...» (1833) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2012. Вып. 2: Е—К. С. 502.

²⁴ См.: Смольников И. Ф. 1) Дни поздней осени. Пушкин. 1833 год. М., 2014. С. 83—87; 2) Три осени Пушкина. СПб., 2019. С. 209—218.

²⁵ О реконструкции из отрывков единого стихотворения см.: Лемин А. Ю. Из истории одного стихотворения Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 341—350.

ши»²⁶ подразумевает не город, хотя и уездный, а скорее деревню или поместье.

Можно предположить, что к созданию стихотворения «Когда б не смутное влечение...» поэта подтолкнуло пребывание в симбирском имении Языковых, у которых в сентябре 1833 года он гостил дважды. В первый раз, 11—12 сентября,²⁷ Пушкин застал там только старшего из братьев — Петра Михайловича (1798—1851), геолога, палеонтолога и этнографа. От него поэт получил рукописный список летописи П. И. Рычкова «Описание шестимесячной осады Оренбурга» и узнал подробности разговора графа П. И. Панина с Пугачевым. Во второй свой приезд, 29—30 сентября,²⁸ поэт увидел уже всех трех братьев — Петра, Александра (1799—1874) и Николая (1803—1846). В черновой рукописи стихотворения поэт набросал мужской портрет. Появление рисунка обусловлено контекстом и местом события, послужившего поводом для создания стихов. Исследователи видели в мужском профиле изображение Алексея Николаевича Вульфа²⁹ или симбирского губернатора Загряжского.³⁰ Однако общение Пушкина с первым возобновилось позднее, после возвращения поэта в Петербург,³¹ облик же второго не отличается сходством с рисунком, в чем можно убедиться, взглянув на групповой портрет семейства Загряжских. По нашему мнению, Пушкин изобразил Петра Михайловича Языкова. Достаточно сравнить мужской профиль в пушкинской рукописи с портретом последнего, и мы увидим общие черты: такой же высокий открытый лоб, прическу, полностью закрывающую уши, усы и небольшую бородку. Необходимо принять во внимание свойственную возрасту полноту лица на позднем изображении Петра Михайловича. В письме к жене от 12 сентября Пушкин писал: «Пишу тебе из деревни поэта Языкова, к которому заехал и не нашел дома. <...> Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина. Я провел с <ним> вечер и оставил его для тебя, а те-

²⁶ Другие варианты в черновике: «независимой тиши», «радо<стной> тиши» (III, 914).

²⁷ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4. С. 87—88.

²⁸ Там же. С. 97.

²⁹ См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 124. № 249. Опр. Т. Г. Цявловской.

³⁰ См.: Смольников И. Ф.: 1) Дни поздней осени. Пушкин. 1833 год. С. 86—87; 2) Три осени Пушкина. С. 217—218.

³¹ См.: Семевский М. И. Прогулка в Тригорское: Биографические исследования и заметки о Пушкине / Вступ. ст., сост. и примеч. С. В. Березкиной. СПб., 2008. С. 259, 409.

Изображение П. М. Языкова в черновой рукописи стихотворения «Когда б не смутное влеченье...» (ПД 963, л. 2 об.)

перь оставляю тебя для него» (XV, 79—80). Без сомнения, общение со столь интересным собеседником оставило след в душе поэта и способствовало появлению портрета Петра Михайловича в рукописи стихотворения.

Характеризуя глубину пушкинского чувства, М. Н. Волконская отмечала: «Как поэт, он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он

*П. М. Языков. Миниатюра работы неизвестного художника.
Конец 1840-х годов (Государственный музей истории российской
литературы имени В. И. Даля)*

встречался. <...> В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел». ³² Однако неверно было бы утверждать, что описываемое поэтом чувство в стихотворении «Когда б не смутное влеченье...» явилось лишь плодом его воображения, как и сложно без достаточных оснований назвать ту, которая могла бы вдохно-

³² Волконская М. Н. Из «Записок» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 207–208.

вить Пушкина на столь проникновенное признание. Возможно, он увлекся женой П. М. Языкова — Елизаветой Петровной (1805—1848), урожденной Ивашевой, приходившейся сестрой декабристу Василию Петровичу Ивашеву, о которой, по понятной причине, в письме к Наталье Николаевне предпочел не упоминать. Сестер Языковых, судя по октябрьскому письму 1833 года к ним брата Александра Михайловича, где он сообщал о приезде Пушкина,³³ в то время не было в родовом гнезде. Младшая из сестер — Екатерина Михайловна (1817—1852) — впоследствии вышла замуж за А. С. Хомякова. После кончины матери в 1831 году она жила в семье старшей сестры — Прасковьи Михайловны (1807—1862), в замужестве Бестужевой. В мае 1836 года Екатерина в письмах к брату Николаю делилась впечатлениями от встреч с Пушкиным в Москве. В письме, написанном между 12 и 14 мая, она сообщает: «...как мил последний (Пушкин. — А. К.), вчера я его видела минут на 10, и он мне ужасно понравился. <...> Пушкин так расхвалил его (брата Петра Михайловича. — А. К.) Хомя<кову>, что тот ужасно желает видеть и познакомиться с ним, рассказывал, как он принял Пу<шкина>, когда тот приехал к вам в Языково, что прежде не хотел даже говорить с ним, но потом так обошелся, что через пол часа они сделались друзьями».³⁴ Сестра всячески стремилась поддержать старшего брата Петра, которого почтительно называла батюшкой, приободрить его, тяжело переживавшего тогда болезнь жены Елизаветы Петровны, понимая, как приятно будет ему получить через брата Николая доброе воспоминание Пушкина. «Пушкин, которого я видела в пятницу у Сверб<еевых>»³⁵ очаровал меня решительно, — пишет она в другом письме от 19 мая. — Жаль, что он дня через три едет, но, впрочем, он обещает возвратиться к моей свадьбе и будет очень мил если сдержит свое слово. Он любит вас и Б<атюшку> — ужасно; весь вечер почти говорил об вас и непременно обещал напоить вас пьяным на свадьбе».³⁶ Сам же Пушкин в письме к жене от 14 мая 1836 года каламбурит: «Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие

³³ А. М. Языков писал сестрам: «...Пушкин заезжал к В<есселю> (семейное прозвище Н. М. Языкова. — А. К.) из Оренбурга и Уральска, прожил у нас два дня почти, рассказывал много литературных новостей; в обществе он очень забавен, и время с ним мы провели весело» (Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 112).

³⁴ Искусство. 1928. Т. 4. № 1—2. С. 156.

³⁵ Дмитрий Николаевич Свербеев (1799—1874) — дипломат, мемуарист; был женат на княжне Екатерине Александровне Щербатовой (1808—1892). В их гостеприимном литературном салоне бывал Пушкин.

³⁶ Искусство. 1928. Т. 4. № 1—2. С. 158.

предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: У меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылепим. Видел я невесту Хомякова. Не разглядел в сумерках. Она, как говорил покойный Гнедич, *pas un bel femme*, но *une jolie figurlette* <не красавица, <но> хорошенькая фигурка — *франц.*>» (XVI, 116). Таким привычным уже способом поэт усыплял ревность Натальи Николаевны.

А. В. Курочкин